

А.Н. Афанасьев

**Поэтические воззрения
славян на природу**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А94

А94 **Афанасьев А.Н.**
Поэтические воззрения славян на природу: Том 2 / А.Н. Афанасьев – М.:
Книга по Требованию, 2015. – 790 с.

ISBN 978-5-517-97625-3

Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи
с мифическими сказаниями других родственных народов.

ISBN 978-5-517-97625-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

же хранятся и священныя знамена. По мѣстѣ г. Срезневскаго тотъ-же самый храмъ, только поздѣе и можетъ быть — перестроенный, описываютъ Адамъ Бременскій и Гельмольдъ. У перваго читаемъ: «знаменитый городъ редарей, Ретра—столица идолопоклонства; въ немъ воздвигнутъ большой храмъ богамъ, изъ которыхъ главный Redigast. Въ городѣ девять воротъ и окруженъ онъ со всѣхъ сторонъ глубокимъ озеромъ; входить въ него по деревянному мосту, но это позволено только тѣмъ, которые желаютъ принести жертву или получить отвѣтъ»¹⁾. Слово Редиго(а)сть, приводимое Дитмаромъ, какъ названіе города, г. Срезневскій считаетъ за прилагательное Редигго(а)щъ²⁾; онъ принимаетъ этотъ Редигостовъ городъ за Ретру, а Редиго(а)ста и Сварожича — за два имени одного божества. Въ глоссахъ Вацерада Radihost приравнивается Меркурію (=Гермесу), въ которомъ чтится молніеносный богъ. Согласно съ этимъ значеніемъ, и Сварожичъ и Редигостъ представляются распорядителями войнъ; хроники и тому, и другому даютъ священнаго коня, по поступи котораго славяне гадали объ исходѣ своихъ общественныхъ предпріятій³⁾. Имя Радигостъ до сихъ поръ остается необъясненнымъ; оно, очевидно, — сложное и первую половину своею стоитъ въ средствѣ съ названіемъ рад-уница (рад-онница, рад-овница) — праздникъ обновляющейся весной природы⁴⁾, издревле получившій значеніе времени, посвященнаго чествованію усопшихъ; ибо съ воскресеніемъ природы отъ зимней

¹⁾ Ч. О. И. и. Д., годъ 2, III, ст. Срезнев., 45—46; Малуш., 83.—²⁾ Сравн.: Быдгощъ отъ Быдгостъ, вѣщъ (вѣщій) отъ вѣсть и др.—³⁾ Ж. М. Н. П. 1846, VII, 55—57; Рус. Вѣст. 1856, I, 20—22. Ходаковский (Р. И. Об., III, 161) указываетъ урочище Радгостя (вож. губ.) и пустошь Редбужу; въ Моравіи есть гора Radgost (Радгоштъ)—Рус. Вѣст. 1857, IV, 75; Рус. прост. праздн., I, 134; Nar. zriewanku, I, 397.—⁴⁾ Радунница бываетъ или на Красную Горку или въ слѣдующіе дни Фоминной недѣли.

смерти соединялась мысль о пробужденіи умершихъ, объ освобожденіи ихъ изъ мрачныхъ затворовъ ада (см. гл. XXIV). Корень рад означаетъ блестящій, просвѣтленный; сравни лат. radio — блистать, сіять, radius — лучъ; весна, приводящая свѣтлые дни, называется красною. Слово гость (пол. gośc, нл. goost, чеш. host, готск. gasts, англос. и др.-нѣм. gast, лат. hostis — чужестранецъ, непріятель), по мнѣнію Боппа и Миклошича, происходитъ отъ санскр. ghas — edere (hostia — жертва); а Пикте указываетъ на корень ghash — laedere, interficere. Въ санскритѣ гость — gôghna, буквально: тотъ, который убиваетъ быка или корову, или для котораго убивается это животное. Обычай древнихъ пастушескихъ народовъ требовалъ убивать для гостя жирнаго телца; греч. ξένος, ξείνος — гость отъ κτείνω — убивать ¹⁾). Отъ понятія о пришельцѣ, посѣтителѣ, слово гость перешло къ обозначенію всякаго чужеродца, иноземца и торговаго человѣка: какъ на Руси первостепенныхъ купцовъ называли въ старину гостями, (гостинный дворъ, гостиница — большая проѣзжая дорога), такъ въ томъ-же смыслѣ употребляются хорутан. gost, gostnik и чеш. hosták ²⁾). Радигость слѣдовательно молніеносный богъ, убійца и пожиратель тучъ (небесныхъ коровъ), и вмѣстѣ свѣтозарный гость, являющійся съ возвратомъ весны. Земной огонь, какъ то-же пламя, которое возжигается Перуномъ въ облакахъ, признавался сыномъ Неба, низведеннымъ долу, въ даръ смертнымъ, быстролетною, падающею съ воздушныхъ высотъ молніею, и потому съ нимъ также соединялась идея почетнаго божественнаго гостя, пришельца съ небесъ на землю. Русскіе поселяне доселѣ чувствуютъ его именемъ гостя (см. ниже, стр. 10). Вмѣстѣ съ этимъ онъ получилъ характеръ бога-охранителя всякаго иноплеменника

¹⁾ Пикте, II, 45—46. — ²⁾ Мысли объ истор. рус. яз., 138.

(гости), явившагося въ чужой домъ и отдавашагося подъ защиту иѣстныхъ пенатовъ (т. е. очага), бога-покровителя пріѣхавшихъ изъ дальнихъ странъ купцовъ и вообще торговли (см. ниже).

Древніе индусы приписываютъ происхожденіе огня—и изведенію или похищенію его съ неба. По индѣйскому сказанію, одаренный божественными свойствами *Mātarigvan* добылъ огонь изъ облачной пещеры и ссудилъ его одному изъ старѣйшихъ жреческихъ родовъ *Bhṛgu* или первому человѣку *Manu*, почему ученые видятъ въ немъ другаго Прометея; самому Агни дается прозваніе *Mātarigvan*, и это прямо свидѣтельствуетъ за нихъ первоначальное тождество. Греческій Прометей, похитившій съ неба огонь, какъ теперь положительно доказано, есть никто иной, какъ самъ громовникъ, возжигатель грозоваго пламени и метатель молніеносныхъ стрѣлъ съ высокаго неба на дольную землю ¹⁾. У иѣтцевъ ему соответствуетъ Локи, котораго уже Н. Гриммъ съ свойственными ему ученымъ ясновидѣніемъ сближалъ съ Прометеемъ и Гефестомъ; подобно Гефесту, онъ былъ низринутъ съ неба и также представляется хромоногимъ ²⁾; подобно Прометею, прикованному къ скалѣ (=тучѣ) за похищеніе небеснаго огня, Локи былъ заключенъ въ цѣни за свое лукавство (см. т. I, стр. 756). Судорожныя движенія окованныхъ Локи и Прометея равно производятъ землетрясеніе (=громъ ³⁾). О распространяющемся пламени пожара иѣтцы выражаются: «es (feuer) los werde, ausbreche, auskomme» — какъ-бы разорвалъ цѣни ⁴⁾. Древнѣйшій способъ добыванія огня у индѣйцевъ, персовъ, грековъ, германцевъ и литовско-славянскихъ племенъ былъ слѣдующій: брали обрубокъ изъ мягкаго дерева, дѣлали въ

¹⁾ Кунъ, 5—8, 17.— ²⁾ О хромой ногъ, какъ одномъ изъ существенныхъ признаковъ молніеноснаго бога, см. гл. XXII.— ³⁾ D. Myth., 221, 225.— ⁴⁾ Ibid., 569.

камъ отверстіе, и вставляя туда твердый сукъ, обвитый сухими травами, веревкою или паклею, вращали до тѣхъ поръ, пока не появлялось отъ тренія пламя; вмѣсто деревяннаго обрубка, употреблялась и втулка отъ стараго колеса. Такъ какъ гроза, разбивая мрачныя тучи, выводитъ изъ-за нихъ ясное солнце и какъ-бы возвращаетъ ему свѣтъ; то отсюда естественно возникла мысль, что богъ-громовникъ возжигаетъ свѣтъ Ильиникъ весенняго солнца, потушенный демонами зимы и мрака ¹⁾. Тотъ-же способъ добыванія огня, къ которому привыкъ человекъ въ своемъ быту, видѣлся ему и въ небѣ: въ глубочайшей древности создавалось вѣрованіе, что богъ-громовникъ вращаетъ, какъ буравъ, свою молниеносную палицу въ ступицѣ колеса-солнца (I, 207—212) или въ деревѣ-тучѣ, и чрезъ то вызываетъ пламя грозы. Рядомъ съ этимъ, изъ предъставленія души—горящимъ свѣточемъ (см. гл. XXIV), изъ связи весеннихъ грозъ съ идеею оплодотворенія, и наконецъ изъ того уподобленія, какое проводила фантазія между добываніемъ огня чрезъ треніе и актомъ соитія и между дождемъ и плотскимъ сѣменемъ, возникли сказанія, что первый человекъ созданъ и низшелъ въ этотъ міръ въ молніи (см. гл. XIX) и что имъ-то принесенъ огонь съ неба на землю. Стремительная, «крыленная» молнія олицетворялась обыкновенно въ образѣ быстролетныхъ птицъ орла и сокола; тотъ-же образъ придавался и богу Агни; отсюда—именъ, что златокрылый соколъ или самъ Агни въ видѣ этой птицы принесъ на землю искру небеснаго пламени ²⁾. Въ одномъ изъ старинныхъ

¹⁾ Объ Ильѣ-громовникѣ одно поученіе на Ильинъ день говоритъ: „Ильнѣ свѣтозарное солнце небеснаго круга шествию огненнхъ конь свѣтлостію просвѣщается радостію пресвѣтлыя памяти огъ и носнаго пророка Иліи“ (Щаповъ, 14. 18). Возжигаемое въ тучахъ, солнце представлялось какъ-бы вновь нарождающимся, и потому летны называютъ его дочерью Перкуна — Germ. Mythen, 142—3 — ²⁾ Die Götterwelt, 53, 61—62.

эпокристы находят любопытный отголосокъ преданія о происхожденіи огня; на вопросъ: «какъ огонь зачася?» здѣсь сказано: архангелъ Михаилъ (замѣна воинственнаго громовицка архистратигомъ небесныхъ силъ) возжегъ его отъ зеницы божией, т. е. отъ всевидящаго ока-солнца (I, стр. 166), и принесъ на землю; точно также огонь, похищенный Прометеемъ, былъ возженъ имъ отъ солнечной колесницы. Въ Литвѣ въ эпоху замчества истуканъ Перкуна стоялъ подъ дубомъ, а передъ нимъ на жертвенникѣ горѣлъ неугасимый огонь, охраненіе котораго возлагалось на жрецовъ и вейделотоку¹⁾. Густинская лѣтопись говоритъ: «ему же (Перкуну), яко богу, жертву приношаху и огонь неугасающій зъ дубоваго дрвiя непрестанно паляху; аще бы случилось за нерадѣніемъ служащаго іерея когда сему огню угаснути, такового іерея безъ всякаго извѣта и милости убиваху»²⁾. Хотя неугасимый огонь чтился литовцами, какъ особое божество, подъ именемъ Зича [срѣдн.: зноѣ, зiятъ или знѣять — блещеть (зіять), зніять — пылать, пахнуть гарью, зноятъ ся — дымитъ ся, знонтъ — отъ сильнаго жара принимать красный цвѣтъ³⁾]; но что поклоненіе ему принадлежало къ культу громовицка — это очевидно изъ самаго возженія священнаго пламени при истуканѣ Перкуна. Въ Литвѣ до сихъ поръ разсказываютъ, что нѣкогда Перкунъ, вмѣстѣ съ богомъ временимъ, странствовалъ по землѣ и наблюдалъ за людьми: сохраняютъ ли они священный огонь? и при этомъ надѣлялъ богиню жатвѣ, т. е. Землю, неуздаемой юностью (силою плодородiя⁴⁾). У бѣлоруссовъ (иниск. губ.) уцѣлѣло такое преданіе: Жы жъ (отъ жечь, жгу, малор. жi ж а — огонь⁵⁾) постоянно расхаживаетъ подъ землею⁶⁾, испуская изъ себя пламя; если онъ хо-

¹⁾ Черты литов. нар., 9.—²⁾ П. С. Р. Л., II, 257.—³⁾ Обл. Сл., 70—71; Доп. обл. сл., 68.—⁴⁾ Рус. Сл. 1860, V, 12.—⁵⁾ Старосв. Ванд., 324.—⁶⁾ О молніяхъ, тающихъ въ тучахъ, мнѣзъ выражает-

дуть тихо, то согреваетъ только землю; если же движенія его быстры, то производитъ пожары, истребляющіе лѣса, сѣнокосы и нивы. Поговорка: «жыжъ уна́дзвися» означаетъ: стали частыя засухи или пожары ¹⁾). Римляне чтили неизсякающій огонь богини Весты, охраняемый двумя-весталками; если неожиданно онъ погасалъ — это считалось бѣдственнымъ предзнаменованіемъ для всего государства, и такое печальное событіе требовало чрезвычайныхъ жертвоприношеній; чтобы возжечь погасшій огонь, для этого требовалось новое, чистѣйшее пламя, которое добывали чрезъ соединеніе въ одну точку солнечныхъ лучей или чрезъ треніе священнаго дерева, и такимъ образомъ какъ-бы сводили его съ неба. Веста изображалась или подлѣ пылающаго очага, или съ горящимъ свѣтильникомъ въ рукѣ. Въ греческой мифологіи богиня этой соотвѣтствуетъ *Ἑστία*, которая чествовалась, какъ охранительное пламя очага. На Лемносѣ, куда по преданію Зевсъ забросилъ Гефеста и гдѣ потому особенно развилась культъ бога-огневластителя, было въ году время, когда на девять дней гасили всѣ старые огни и въ замѣнъ ихъ привозили на кораблѣ новый съ Аполлонова жертвенника изъ Делоса ²⁾).

Множество доселѣ-живущихъ въ народѣ примѣтъ, повѣрій и обрядовъ свидѣтельствуютъ о старинномъ поклоненіи огню, какъ стихіи божественной и эмблемѣ грозоваго пламени. Зажигая вечеромъ лучину, ночникъ или свѣчу, простолюдины крестятся; если же огонь долго не вдувается, то приговариваютъ: «святой огонёшекъ! дайся намъ». Будетъ ли внесена въ темную комнату зажженная свѣча, ее встрѣчаютъ съ крестнымъ знаменіемъ, точно также, какъ существуетъ обычай креститься при ударахъ грома и

ся, какъ о небесномъ огнѣ, заключенномъ въ горахъ и подъ землею (см. ниже).— ¹⁾ Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 93—94.— ²⁾ D. Myth., 577.

блескъ молніи ¹⁾). Чехи, о которыхъ еще Козьма Пражскій за-
вѣтилъ: «hic ignes colit», называютъ огонь божьимъ —
boží oheň ²⁾). Плевать на огонь — величайшее нечестіе: за
такое оскорбленіе святыни — на губахъ и языкѣ виновнаго
высыпають прыщи, называемые въ областныхъ нарѣчіяхъ
огникъ и жыжка; дѣтямъ обыкновенно говорятъ: «не плюй
на огонь, а то огникъ выскочитъ!» ³⁾). Не должно кидать
въ огонь ничего нечистаго — ни сонлей, ни калу; порнѣ на тѣ-
лѣ приписывается дѣйствию огня, наказующаго за подобныя
проступки. Польск. swąd, swędzić означаютъ: угаръ и
зудъ, вонять гарью и зудить ⁴⁾). Если замѣтять, что кто-нибудь
не у мѣста испражняется, то берутъ изъ печи раскаленные
уголья и бросаютъ на пометъ, съ полнымъ убѣжденіемъ, что
послѣ этого задъ у виновнаго непременно опоршнветъ ⁵⁾).
Гордшую лучину или свѣчу должно гасить благоговѣнно: пла-
мя задувать губами, нагаръ снимать пальцами, а уцѣлѣвшій
остатокъ бережно класть на мѣсто; погасить же огонь какъ
попало, т. е. ударить лучину объ полъ или затоптать ее но-
гою — считается большимъ грѣхомъ, за который раздраженная
стихія отплатитъ пожаромъ въ домѣ нечестивца ⁶⁾). Когда ме-
тутъ печь вѣнникомъ, и онъ загорится — то не слѣдуетъ за-
таптывать пламя ногами, а залить водою ⁷⁾). Кто разводитъ
въ печи огонь, тотъ, по литовскому повѣрью, обязанъ совер-
шать это молча и не оглядываясь; не то огонь, кара за нару-
шеніе должнаго благоговѣнія, выйдетъ изъ печи и зажметъ

¹⁾ Ворон. Г. В. 1851, 10; Записки Авдѣев., 128. Въ архангельской губ. думаютъ, что зажигать свѣчу днемъ, когда и безъ того свѣтло, — грѣхъ. — ²⁾ Громанъ, 41. — ³⁾ Херсон. Г. В. 1852, 17; Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 94; Beiträge zur D. M., I, 235. Персы признавали проказу и шелуду — наказаніемъ, насланнымъ за преступленіе противъ солнца — Геродотъ, кн. I, гл. 138. — ⁴⁾ Записки Археологич. общ., XIII, 240, 248—9; Потѣби., 26. — ⁵⁾ Записки Авдѣев., 301. — ⁶⁾ Этн. Сб., II, 126. — ⁷⁾ Цѣбрик., 264.

избу ¹⁾. Въ тверской губ. у кого загорится изба, того не пускаютъ въ другіе жилые дома; напротивъ, онъ долженъ бѣжать какъ можно далѣе отъ жилья, чтобы отвести за собою пламя, которое такимъ образомъ представляется преслѣдующею его, живую и мстительною стихію. Народъ даетъ огню эпитетъ живаго и видитъ въ немъ (какъ ясно свидѣтельствуя различныя преданія) существо вѣчно-голодное и всепожирающее. По указанію галицкой пословицы, «огонь святыи мститса, якъ го не шануешь»; у сербовъ есть клятва: «тако не живи 'оганъ) не сажегао!» ²⁾. Между крестьянами самарской губ. донынѣ удерживается суевѣріе, что тушить пожары (чѣмъ бы ни были они вызваны) — грѣшно ³⁾; въ другихъ же мѣстностяхъ мнѣніе это прилагается только къ строеніямъ, зажженнымъ ударомъ молніи. Литовцы, когда случится пожаръ, обносятъ вокругъ загорѣвшагося зданія кусоки освещеннаго хлѣба, и потомъ бросаютъ его въ пламя, чтобы умилостивить гнѣвную стихію и пріестановить ея разрушительное дѣйствіе ⁴⁾. Въ черниговской губ. выносятъ при пожарахъ квашню, кладутъ на нее хлѣбъ-соль, ставятъ тутъ же икону и молятся о помилованьи. На Волынѣ, вѣсело квашни, выносятъ небольшой столъ, накрытый чистою скатертью; на столѣ кладется хлѣбъ-соль и ставится святая вода; съ этимъ столомъ знахарка обходитъ кругомъ загорѣвшагося дома и шепчетъ слѣдующее любопытное заклатіе: «о ты, огню пожаданный, изъ неба намъ зосланный! не реходься ты, якъ дымъ, бо такъ приказавъ тоби Божій Сынъ» или: «витаю (привѣтствую) тебе, гостю! замовляю тебе, гос-

¹⁾ Черты литов. нар., 98. У римлянъ запрещалось прикасаться къ огню мечомъ (Проникал., IV, ст. Еремьова, 12). — ²⁾ Архивъ ист.-юр. свѣд., II, ст. Бусл., 44; Сри. в. посл., 298. — ³⁾ Самар. Г. В. 1864, 43. — ⁴⁾ Черты литов. нар., 94.

тѣмъ іорданскою водою заливаю тебя, гостю! Пришовъ Господь въ міръ — міръ бго не познавъ, а святыи огонь слугою своимъ назвавъ; Господь на небо вознесся, за Господомъ и слуга (его) святыи огонь понесся¹⁾. Въ старину бросали хлѣбъ-соль въ пламя пожара, какъ это до сдѣлается у чеховъ²⁾ и въ Литвѣ. Во время грозы крестьяне наши, чтобы охранить домъ, людей и животныхъ отъ ея нарающей силы, зажигаютъ въ избахъ восковыя свѣчи — крещенскія³⁾, четверговыя или вѣнчальныя. Съ именемъ Іоанна Крестителя слиялись древнія вѣрованія въ дождящаго Перуна; четвергъ былъ день, посвященный громовнику, и особенное почитеніе воздается этому дню на страстной недѣлѣ, какъ предшествующей празднику весенняго воскресенія природы; вотъ почему свѣчи крещенская и четверговая получили въ народныхъ обрядахъ символическое значеніе молніеопаснаго пламени, зажигаемаго Перуномъ. Тоже значеніе придаво и вѣнчальной свѣчѣ, такъ какъ въ лѣтнихъ грозахъ совершался брачный союзъ бога-громовника съ облачною дѣвою. Вечеромъ въ чистый четвергъ приносятъ изъ храма зажженныя свѣчи и копятъ ими на притокахъ и матицахъ кресты, что по общему убѣжденію предохраняетъ домъ отъ удара молніи⁴⁾. Соответственно этому, въ Германіи вѣрятъ, что молнія ни за что не ударитъ въ домъ, на очагѣ котораго пылаетъ огонь; потому во время грозы разводятъ въ печи огонь, или берутъ топоръ (символь громовой палицы) и вонзаютъ его въ дверной косякъ⁵⁾. Четверговыя и крещенскія свѣчи зажигаются и въ томъ случаѣ, когда вспыхнетъ гдѣ-нибудь вблизи пожаръ: дѣлается это съ цѣлію отстоять свой домъ отъ угро-

¹⁾ Волин. Г. В. 1859, 17.— ²⁾ Громаниъ, 41.— ³⁾ Особенно тѣ, которыя были прилиплены къ чашѣ съ водою, при совершеніи водосвятія.— ⁴⁾ Ворон. Г. В. 1851, 11; Саратов. Г. В. 1851, 29.— ⁵⁾ D. Myth., 568; Zeitsch. für D. M., IV, 297.

жающей ему бѣды. Но что особенно знаменательно — свѣчи эти (иногда и подвѣчную) зажигаютъ во время трудныхъ родовъ, чтобы облегчить страданія родильницы ¹⁾: обычай, указывающій на ту плодородящую силу, которая соединялась съ молніями, посылающими дожди, а отъ нихъ небснаго пламени перенесена и вообще на огонь. Молодые, возвращаясь домой послѣ вѣнца, переѣзжаютъ черезъ разложенные въ воротахъ и зажженные снопы соломы—для будущаго счастья и плодородія ²⁾; въ нѣкоторыхъ деревняхъ заставляютъ ихъ на другой день брака прыгать черезъ огонь, и первую кудель, за которую придется молодая, нарочно зажигаютъ ей родичи и знакомые ³⁾. Еще нагляднѣе выражается эта тождественность огня съ грозовымъ пламенемъ въ слѣдующихъ повѣрьяхъ о вліяніи его на земные урожаи. На Срѣтенье, праздникъ, которому въ западныхъ губерніяхъ присвоивается названіе «Громищъ», каждый хозяинъ освящаетъ для себя восковую свѣчу и хранитъ ее въ анбартѣ; во время поѣздовъ и жатвы свѣча эта выносится на поля (Витебск. губ.). Существуетъ примѣта: если въ чистый четвергъ свѣчи, разносимыя изъ церкви по домамъ, не гаснутъ на воздухѣ, то это предвѣщаетъ большой урожай яровыхъ хлѣбовъ. Въ тѣ дни, когда выѣзжаютъ уваживать и пахать землю, крестьяне ни за что не дадутъ изъ своего дома огня; они убѣждены, что у того, кто судитъ чужаго человѣка огнемъ, хлѣбъ не уродится, и наоборотъ — у того, кто выпроситъ себѣ огня, урожай будетъ хорошій ⁴⁾. И во всякое другое время крестьяне неохотно даютъ огонь, опасаясь неурожая и скотскаго падежа; если же и дадутъ, то не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы взятыя горя-

¹⁾ Саратов. Г. В. 1851, 29.— ²⁾ Абов., 44—45.— ³⁾ Р. И. Сб., III, 199. Это возженіе кудели стоитъ въ связи съ представленіемъ грозовыхъ облаковъ пріжею (см. гл. XXIII).— ⁴⁾ Вост. Р. Г. О.